

Узнав, что братец Гоудань пришел забрать его домой, Ван Сюань едва не запрыгал от радости. Он тут же утянул друга в комнату, торопливо сгреб нехитрые пожитки в тот самый узелок, с которым когда-то явился сюда, закинул его на плечо и замер, готовый бежать хоть сейчас.

Приемные родители глядели на это с потемневшими лицами. Настоящий пригретый волчонок — сколько ни корми, все равно в лес смотрит!

— Сперва сказали, мол, не нужен он вам, в наш дом сплывили, а теперь назад забираете? — процедил опекун. — Нет уж, так просто это вам с рук не сойдет.

— Ну да, поначалу так и решили, — замялся Ли Сы, — да только и времени-то всего ничего прошло. Мальчишка у вас и зерна-то почти не съел, вы уж поймите...

— Отец, да пошли уже, домой пора, — Гоудань упрямо потянул друга за руку.

По его детскому разумению, раз человека нашли, надо уходить. Чего тут еще ласы точить?

— А ну стоять! — рявкнул хозяин дома. — Это наш пацан!

Сжав узелок, Ван Сюань испуганно забился за спину Гоуданя, даже носа наружу не показывал. Больше всего на свете он боялся, что его силой заставят остаться и дальше куковать тут приемным сыном.

— Сынок, Гоудань, постой, — Ли Сы придержал сорванца за плечо. — Надо сначала во всем разобраться, с людьми переговорить как следует.

Шурин старосты, глядя на притихших мальчишек, только тяжело вздохнул. Сразу видно: пацан здесь и дня оставаться не желает. Надо же, его зять — человек обычно дотошный и разумный — в этот раз так сглупил, заварил кашу на пустом месте.

Гоудань за последнее время заметно подрос — скоро уже девять стукнет. Волосы ему остригли под модный короткий ежик, совсем как у взрослых, но сам он оставался все таким же чернявым и худым, а крупная голова по-прежнему смахивала на тяжелую железную кувалду.

Глаза его так и бегали по сторонам — поди разбери, что за думы роились в этой черепушке. Пока взрослые спорили, он и не думал лезть в их дела. Поудобнее перехватив Ван Сюаня, у которого на плече болтался узелок, он улучил минутку и, пока на них никто не смотрел, тихонько шмыгнул со двора напрямик к окраине деревни.

Далеко бежать не стали — укрылись возле старого раскидистого дерева у самого въезда. Гоудань в три счета вскарабкался на ветку, Ван Сюань ловко забросил ему узелок, друг перехватил его на лету, а следом помог подняться и самому беглецу. Мальчишки действовали на редкость слаженно.

— Если они упрутся и не отпустят тебя, дождемся темноты и тайком сбежим, — заговорщически прошептал Гоудань. — А если у моего отца все выгорит, просто подождем его здесь.

Рядом с Гоуданем на душе у Ван Сюаня сразу потеплело. Теперь, что бы друг ни предложил, он лишь согласно кивал. Гоудань, глядя на него, довольно сощурился, обнажив щербатый рот с белоснежными, еще не до конца отросшими зубами.

Сунув руку в карман, Гоудань незаметно извлек из своего тайного пространственного кармана конфету, купленную в Снабженческо-сбытовом кооперативе, разломил ее пополам и протянул другу:

— Давай пополам. Свою долю я уже схрумкал, это тебе.

Ван Сюань мигом отправил угощение в рот и довольно зажмурился:

— Ой, как сладко! А у меня, кстати, тоже зубы шататься начали.

— Ерунда, новые вырастут, — отмахнулся Гоудань.

Он забавно оскалился, демонстрируя лезущие сквозь десны резцы. У него самого выпало уже штуки четыре, так что к легкому посвистыванию при разговоре он давно привык.

Ван Сюань закивал, сладко причмокивая и перекатывая леденец языком за щеку.

— Братец Гоудань, я тут кое-что новое заметил в нашем сокровище.

Он понизил голос до шепота:

— Каждый раз перед сном я тайком разглядываю те светящиеся знаки, и они меняются! А ночью во сне тот бессмертный старец снова кучу всего наговорил.

— И чего говорил? — заинтересовался Гоудань.

— Да все то же, о чем он толковал тогда, на дне колодца. Только слов так много, что все и не упомнишь, — Ван Сюань постучал пальцем по лбу. — Но на самом деле эти знания уже как будто сидят у меня в голове. Каждую ночь он просто медленно разжевывает мне прежние наставления, объясняет простым языком. Кажется, я начинаю понемногу соображать.

— Хм, надо и мне сегодня попробовать, — пробурчал Гоудань, доставая из-за пазухи заветное нефритовое кольцо лучника.

Ван Сюань тем временем принялся тихонько бубнить себе под нос, наизусть заучивая услышанные во сне формулы. Интуиция подсказывала ему, что именно так и следует поступать.

Когда отец с сыновьями добрались наконец до родной деревни Сикань, на окрестности уже опустилась глухая ночь. На скорую руку отварили сладкого картофеля, на том и поужинали. В темноте наощупь залезли на теплый кан и уснули богатырским сном до самого утра.

А на следующий день вся деревня только и гудела о том, что Ли Сы вернул обратно мальчишку из семьи Ван, которого сам же недавно пристроил. Местные кумушки тут же принялись перемывать косточки непутевому семейству. Даже старая госпожа Ли в сердцах обозвала четвертого сына набитым дураком. Ну а раз родная мать признала его недоумком, то у остальных сельчан и подавно сомнений не осталось.

Староста деревни заглянул к ним вечерком, вздохнул да и только:

— Ну что с тобой делать... Живите теперь спокойно, раз так вышло.

Время пролетело быстро, и пришла пора Гоуданю с Ван Сюанем отправляться в школу. К этому дню Ли Сы отнесся со всей строгостью и торжественностью: даже сварил мальчишкам по яйцу на завтрак — невиданная по деревенским меркам роскошь.

Записав обоих в класс, учебники они покупать не стали — взяли один комплект на двоих, чтобы сэкономить скудные гроши. Дисциплин-то было всего ничего: родная речь да арифметика. За партой они все равно сидели плечом к плечу, так что одной книги на двоих хватало за глаза.

Прежде Гоудань считал, что от этой школы никакого проку, но со временем рассудил иначе: грамоту выучить все же надо, а то если таинственный старец во сне начнет вещать великие мудрости, он без знания иероглифов и двух слов разобрать не сможет.

Правда, о сладких утренних снах теперь пришлось забыть. В отличие от примерного Ван Сюаня, который поднимался ни свет ни заря и без лишних слов помогал Ли Сы возиться у печи, Гоудань до последнего дрых без задних ног. Отцу приходилось трижды стаскивать его с лежанки, прежде чем тот, недовольно шурясь и протирая заспанные глаза, соизволял наконец подняться.

Ван Сюань не раз шепотом советовал ему не слишком усердствовать с ночными уроками: мол, выучил малую толику за вечер — и засыпай обычным сном. Стоит приноровиться, и этим процессом можно будет управлять по собственному желанию, распределяя силы и регулируя скорость учебы.

Да только разве Гоуданя теперь остановишь, когда он вошел во вкус? Надо признать, покойный настоятель храма был человеком незаурядного ума. Чтобы заставить мальчишек добровольно корпеть над древними знаниями, он превратил процесс обучения в увлекательную игру. Все

уроки были составлены так искусно, словно предназначались лично для каждого из них. Старик действительно приложил немало усилий, продумывая все до мелочей.

Пока сонный Гоудань плелся по дороге, спотыкаясь на каждом шагу, Ван Сюань, закинув за плечи ранец с нехитрым обедом — парой пресных кукурузных лепешек, бережно вел его за руку. То и дело придерживал друга, чтобы тот сдуру не растянулся в пыли.

— Смотри, это подорожник, это портулак, а вот там — пастушья сумка... Я их все наизусть знаю! — Ван Сюань без умолку тараторил всю дорогу, перечисляя свойства каждой травинки, что попадалась под ногами.

Он не просто хвастался названиями, но и авторитетно объяснял, какой недуг лечится тем или иным корешком. Правда, сам он пока лишь слепо заучивал древние тексты, и если бы его спросили о сути явлений, он вряд ли смог бы внятно ответить.

— Нам дают самые азы, — продолжал рассуждать Ван Сюань. — Но некоторые вещи мне до сих пор непонятны. Например, что это за мера веса такая — «цзянь»?

В рецептах традиционной медицины постоянно встречались старинные обозначения пропорций, да и многие иероглифы давались мальчишке с трудом.

Он звенел колокольчиком всю дорогу, нимало не заботясь, слушает его Гоудань или нет. Встречные деревенские ребятишки, обгоняя их, со смехом показывали на странную парочку пальцами и убегали вперед.

Школьные классы трещали по швам. В начальной школе коммуны учились с первого по пятый класс, и первоклашек в этот раз набралось больше всего. Директор разбил их на три группы, но в кабинетах все равно было не продохнуть. Кое-где за партами сидели по двое, а то и по трое ребятишек из одной семьи.

С каждым последующим классом учеников становилось все меньше — многие бросали учебу ради работы в поле. Гоуданя и Ван Сюаня определили в первый «В». За шаткими деревянными партами на длинных общих скамьях ютились по три, а то и по четыре человека.

В классе стоял невообразимый гвалт. Мальчишки и девчонки, сидевшие вперемешку, возились, задирали друг друга, кто-то заливался слезами, кто-то залиvisto хохотал.

Стоило Гоуданю оказаться в этой кутерьме, как сон с него мгновенно слетел. В родной деревне Сикань строгие мамы частенько запрещали детям знаться со странными сиротами, но здесь, в школе коммуны, собралась детвора из нескольких соседних бригад и деревень.

Давать себя в обиду мальчишки не собирались. Гоудань к тому же оказался парнем ушлым и напористым — он быстро завоевал уважение среди сверстников и вскоре примерил на себя

негласную роль вожака школьной детворы.

Освоившись, Гоудань развернулся вовсю. Сжимая в руке кукурузную лепешку, он весело носился между партами вместе с оравой пацанов, так что от утренней сонливости не осталось и следа.

— Эй, Гоудань, мы после уроков на водохранилище собрались, пойдете с нами? — крикнул один из приятелей.

Гоудань на мгновение задумался, а затем мотнул головой:

— Не, не пойдем. Там купаться строго-настрого запрещено, чего зря время терять?

— Да ладно тебе! Кто там увидит? Мы потихоньку нырнем, пока дед-сторож в будке дремлет.

Будь это прежний Гоудань, он бы уже летел впереди всех, сверкая пятками. Но ночные уроки в пространственном кармане не прошли даром — разум его развивался не по годам быстро. Мальчик стал куда рассудительнее, научился отличать пустую шалость от смертельной опасности.

Поэтому он лишь покачал головой:

— Нет. Без взрослых туда соваться глупо. И вам не советую. Вот закончится осенний сбор урожая, начнут чистить пруды да рыбу ловить — тогда и порезвимся.

— Тоже мне, храбрец выискался! Трус! — фыркнул заводила.

— Да брось ты, пойдем за компанию! Весело же будет!

— Сказал: не пойду, значит, не пойду, — отрезал Гоудань.

И тут же, изловчившись, обхватил обидчика за шею крепким локтевым захватом:

— Кого это ты тут трусом назвал, а? Напросился!

Мальчишки мигом покатились по полу, сцепившись в клубок. Гоудань и раньше дрался неплохо, а теперь, благодаря таинственным тренировкам, сверстники ему и в подметки не годились. Да что сверстники — он легко укладывал на лопатки ребят на год-два старше себя.

Схватка закончилась быстро. Окружившая их гурьба шумно улюлюкала, даже девчонки с любопытством поглядывали на потасовку. Шум стоял невообразимый, пока в класс наконец не

вошел учитель. Он с силой грохнул указкой по столу, заставив сорванцов нехотя разбрестись по местам.

Разгладив замятую страницу учебника, Ван Сюань негромко шепнул другу:

— Зачем ты вечно в драку лезешь? Они же тебе все равно не соперники.

— Вот именно, — хмыкнул Гоудань, утирая нос. — Если их не проучить, они так и будут воображать о себе невесть что.

Школьная программа для начальных классов была проще некуда: всего две основные дисциплины, да и те то и дело заменялись уроками идеологии и нравственности. Для ребят это была сущая чепуха. Благодаря ночному обучению их память и сообразительность развились настолько, что школьные азы они шелкали как орехи.

Учеба давалась им без малейшего труда. Правда, из-за простоты программы уроков было мало, к тому же первоклашек часто привлекали к общественным работам, так что по-настоящему корпеть над книгами в душном классе им приходилось не так уж часто.

Миновал еще месяц. На крестьянских дворах повсю запестрели разложенные для сушки заготовки на зиму.

— Школа эта ваша — тоска зеленая, — жаловался как-то вечером Гоудань, растянувшись на траве. — Толку от нее чуть, во сне все равно ничего разобрать не могу. Одно расстройство.

— Мы ведь только в первом классе, — резонно возразил Ван Сюань, ничуть не унывая. — Вот перейдем в старшие, грамоту получше освоим, тогда и дело пойдет. Куда спешить? Мы еще маленькие. Чего сейчас не понимаем — просто запомним, а вырастем — разберемся.

— К слову сказать, я тут новое зелье составил, — загадочно прошептал Ван Сюань. — Противодиарейное средство. Да вот беда: не знаю, работает ли.

У Гоуданя от этих слов аж мороз по коже продрал:

— Даже не думай! Я в твоих опытах больше не участвую!

— Да ладно тебе, — хитро прищурился лекарь. — Я ведь и не предлагал тебе его пить.

Еще бы Гоудань не боялся! В прошлый раз он по глупости сунул нос в первый алхимический опыт друга — простой чесоточный порошок. Ван Сюань тогда и сам не знал, каков состав в действии, а несчастный испытатель в итоге извелся так, что места себе не находил от дикого зуда. А поскольку противоядия юный аптекарь готовить еще не умел, бедному Гоуданю

пришлось целый день отсиживаться по горло в холодной речке, спасая горящую шкуру.

Тот первый успех оставил у обоих неизгладимые воспоминания.

— И далеко ты уже продвинулся? — поинтересовался Гоудань, потирая бок.

— Пока все довольно просто. Похоже, наследие того старца рассчитано на лечение обычных людей простыми средствами. Я учу свойства трав и сразу же пробую их смешивать. Пока освоил только чесоточный порошок, лекарство от поноса, зелье безудержного смеха да Ветрогонное зелье. Вот теперь самостоятельно пытаюсь составить Противодиарейное средство.

— Да что ж у тебя за снадобья такие дурацкие? — хмыкнул друг. — Неужели ничему путному этот дед тебя не научил?

Ван Сюань на мгновение замолчал, глядя на свои ладони, а потом тихо обронил:

— Нет.

Он пододвинулся ближе и понизил голос:

— Знаешь, братец Гоудань... Мне порой кажется, что тот человек вовсе не был добрым бессмертным. Посуди сам, чему он нас учит? У тебя — сплошь смертоносные боевые приемы, у меня — отравы да пакости всякие.

— Да ладно тебе шептать, его тут точно нет, не услышит, — отмахнулся Гоудань, хотя сам невольно огляделся по сторонам.

— И то верно. В общем, как только разберусь с этими рецептами, сделаю перерыв в учебе. Буду просто заучивать свойства других растений и пробовать подбирать противоядия к моим «вредным» составам. Ох и непростое это дело.

— Что, он даже рецептов противоядий тебе не оставил?

— Не оставил. А может, оставил, да только до них мы еще не дошли. Сколько я над этим размышляю в последнее время... Не похож он на доброго покровителя, хоть тресни.

Будь они обычными деревенскими ребятами, едва получившими доступ к чудесному пространственному карману, такие крамольные мысли никогда не пришли бы им в голову. Но таинственные знания ускорили развитие их разума. В свои неполные девять лет они рассуждали и мыслили наравне со смыслеными подростками лет четырнадцати.

Гоудань, поразмыслив, согласно кивнул:

— Твоя правда. Каким бы он ни был, главное — мы сами никому вреда не причиним. Так что дерзай, пробуй составить противоядия. Тоже наука.

— А я во сне уже научился обгонять черепах, крыс и фазанов, — похвастался Гоудань. — Теперь вот за зайцами гоняюсь.

Конечно, в реальном мире обогнать неповоротливую черепаху труда бы не составило, но те существа, что гоняли его в мире грез, обычными зверушками явно не являлись.

И эти тренировки приносили плоды наяву. Как и Ван Сюань, успешно применявший медицинские знания в жизни, Гоудань с каждым днем становился сильнее и выносливее. Ночные уроки подспудно перестраивали и укрепляли их детские тела.

Два маленьких мальчика сидели рядышком, заговорщически склонив головы и шепчась о своих тайнах. Со стороны они казались обычными деревенскими сорванцами, и никто из прохожих даже не догадывался, что их нехитрая болтовня далека от детских забав.

<http://bllate.org/book/19654/1986968>